

ДЕЛО № 2

об инновационной
биоразлагаемой елке
и бракованных семенах,
из которых вырастают
кактусы

Материалы дела	
1.	История подмены семян
2.	Заметки детектива
3.	Приложение 1 Доска детектива
4.	Приложение 2 Фотографии подозреваемых, 6 шт.
5.	Приложение 3 Фотографии улик, 11 шт.
6.	_____
7.	_____
8.	_____

КАК ВСЁ ПРОИЗОШЛО

ИСТОРИЯ ПОДМЕНЫ СЕМЯН

— У нас диверсия! Срочно приезжай!

Согласитесь, бодрит — услышать такое в телефонной трубке в третьем часу ночи. Собственно, звонок меня и разбудил. С тех пор как я избрал для себя сложную, но благородную профессию частного сыщика, я кое-как примирился с необходимостью вскакивать среди ночи по срочным вызовам. Что ни говори, а оперативность в нашем деле вещь первейшая.

Диверсия — скрытные действия врага, задача которых вывести из строя важные объекты противника.

Но, нащарив в темноте телефон и привычно откликнувшись в трубку «Колмогорский!», я услышал в ответ голос Рудольфа Оленева и мысленно застонал. Черт же меня дернул сунуть ему на встрече выпускников свою визитку! (Как-никак бывший одноклассник стал директором крупной научной лаборатории, вдруг пригожусь.) Только вот за долгие годы я, должно быть, запомнил, какой он паникер. Любая грядущая контрольная в школе доводила его до истерики, и обычным делом для него было позвонить среди ночи с воплем «Мы все умрем, я забыл теорему Виета!» Наверняка и теперь какая-то мелочь и перестраховка.

— Колмогорский, спасай! — восклицал Рудольф в трубке, по старой школьной привычке обращаясь ко мне по фамилии. — Диверсия в лаборатории! Засланный агент конкурентов!

Слово за слово я вытянул из него, что к чему. Оленев возглавлял Коммерческую лабораторию аграрного ускоренного синтеза (сокращенно «КЛАУС»). Сначала я подумал, что это что-то связанное с сельским хозяйством, комбикорма там и прочее, но все оказалось намного занятнее. Сотрудники Рудольфа внедряли новейшее изобретение — «древopodobное органическое сезонное убранство, подлежащее безотходной утилизации» (если цитировать директора), а попросту говоря

экозаменитель новогодних елок. Ели эти невероятно быстро растут, не загрязняют окружающую среду, сами разлагаются и берегут от вырубки живые деревья.

— Представляешь, сразу с украшениями растут! Причем, воздействуя на семена, мы можем задавать количество и цвет шаров на елке, программировать желаемую высоту и влиять на пушистость! — горячился Рудольф. — А эти... из «ПППЁ», ну, с фабрики «ПластПолимерПсевдоЁлка», спят и видят, как бы запятнать нашу репутацию, а то и вообще зарубить наш проект. Все время вредят! То в статье на нас иронически намекнут, то зальют нарочно с верхнего этажа! А взрыв в микроволновке на кухне? Не яйцо это было, точно тебе говорю! У нас в четверг такой ответственный день! У нас в четверг...

Узнать
подробнее
про «ПППЁ»!

«Контрольная», — чуть не брякнул я, но вовремя сдержался. — ...презентация на международной выставке! Проращивание наших елок в реальном времени! Миллионные контракты на сбыт, встречи с инвесторами! В понедельник, десятого, я бросил все силы на подготовку, у меня даже техник семена к выставке паковал и младшая лаборантка, короче, все сотрудники до единого. Я последним уходил, лично все закрывал, а во вторник, сегодня... то есть нет, выходит, уже вчера...

«Контрольная», — чуть не брякнул я, но вовремя сдержался.

— ...презентация на международной выставке! Проращивание наших елок в реальном времени! Миллионные контракты на сбыт, встречи с инвесторами! В понедельник, десятого, я бросил все силы на подготовку, у меня даже техник семена к выставке паковал и младшая лаборантка, короче, все сотрудники до единого. Я последним уходил, лично все закрывал, а во вторник, сегодня... то есть нет, выходит, уже вчера...

Я услышал в трубке всхлипывание, и мне стало его искренне жаль.

— Рудольф, успокойся! — сказал я. — Объясни мне, что случилось с семенами во вторник?

— У нас еще была первая, пробная партия семян, — сообщил он. — Она получилась неудачной, бракованной... Ну, то есть как бракованной? Нет, они прорастали, и очень быстро, за пару часов, как мы и прогнозировали, и шарики на них были отличные, такие блестящие... И с биоразлагаемостью все как нужно... Только не елки это были, а кактусы. Видимо, мы что-то напутали с параметрами толщины ствола и длины игл. Такие аккуратные, толстенные кактусы.

Мне снова послышался всхлип.

— Мы эти семена не спешили уничтожать, надо было полностью разобраться с их свойствами, — продолжал он. — Хранили их на складе в запечатом сейфе, в отдельной упаковке со словом «Брак», чтобы не перепутать — на вид-то качественные семена от бракованных не отличишь. Код от сейфа, правда, знали мы все... Но мог ли я подумать...

Так вот, в понедельник вечером все было в порядке: пакет с браком в сейфе, упаковки с качественным товаром в шкафу, все с личными пломбами сотрудников, которые их готовили. А во вторник я зашел на склад, случайно выронил ключ, полез под шкаф доставать — а там какой-то газетный сверток. Причем газетка-то, заметь, свежая, от одиннадцатого числа.

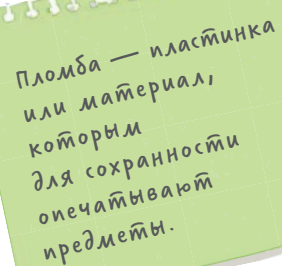
Разворачиваю — семена! Граммов двести, не меньше! Откуда они взялись? Я, конечно, сразу в шкаф с приготовленными для выставки пакетами. Гляжу — все в порядке. Уф! Выдохнул, пот со лба стер. Для очистки совести решил проверить сейф — тут-то у меня волосы и встали дыбом. Тюк с бракованными семенами вскрыт!

Кому понадобилось расковыривать упаковку с браком и прятать часть некачественных семян под шкаф? Чертовщина какая-то... Я взял да и проверил семена из газетного свертка на КБЕ-спектрометре. Колмогорский, слушай, вот ужас-то! Там, в свертке, были качественные семена!

— Брак оказался не бракованным? — осторожно спросил я, не вполне еще понимая, к чему он клонит.

— Брак бракованный, но пакет-то с браком порван, а в газетке под шкафом — двести граммов качественных семян. Понимаешь, что это значит? Кто-то подменил хорошие семена в своем пакете на брак, чтобы опозорить нас перед заказчиками. Это будет крах всего нашего проекта! О-о-о, это явно мерзкие происки пластиковых елкоделов, это их почерк! И вот что я тебе скажу: в мою лабораторию затесался их агент, точно! Больше некому! Успел-таки проверить свое черное дело. В чей пакет подмешан брак, тот и шпион!

— Ну так проверь все пакеты на своем... как его... ё-спектрометре, — предложил я.

Пломба — пластинка или материал, которыми для сохранности опечатывают предметы.

— Смеешься? Это уникальный прибор, второго такого нет. За один двадцатиминутный цикл проверяется одно семечко. Одно! Я проверил по несколько штук из каждого пакета наугад, только сейчас закончил. Все качественные. Да только в каждом пакете этих семян килограммов по семь. А выставка завтра, в четверг! Ты понимаешь, что это значит? Конец нашей лаборатории!

— погоди, не горячись. Семена подменили, получается, в ночь с понедельника на вторник, раз ты уходил последним? И как шпион мог к вам проникнуть? У вас что, нет охраны на входе?

Оленев вздохнул.

— Есть, как не быть. Конечно, в нерабочее время шпион не мог проникнуть в лабораторию. Вот и выходит, что это кто-то из своих за утро успел. Но все отпираются, говорят, что не были на складе.

— А вот с этого места подробнее, — оживился я. — Расскажи мне в деталях, кто из сотрудников где был и чем занимался утром во вторник, до того как ты зашел на склад.

Рудольф замялся.

— Слушай, так получилось... в общем, я сам вчера пришел в лабораторию только около полудня. На склад пошел первым делом — что-то меня все грызло, не надо ли нам грунта к выставке про запас заказать, вот и побежал проверить, хватает ли. Но рабочий день-то у нас с девяти. К тому моменту, как я обнаружил диверсию, все остальные уже три часа как были на месте, и любой из них — понимаешь! — любой — мог это сделать. Это невыносимо — подозревать каждого из своих коллег...

— Послушай, — сказал я решительно. — Сейчас три часа ночи. Мне все равно нужно будет поговорить лично со всеми твоими сотрудниками. Утром я приеду к тебе и на месте посмотрю, что к чему. Диктуй адрес.

— Я сам за тобой заеду, — воскликнул Рудольф. — Ты только найди его!

— Сделаю все возможное, — заверил я. — А теперь — понимаю, это трудно — попытайся уснуть.

